

РИМСКИЕ ПИСЦЫ
В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ

В данной статье предпринята попытка дать краткую характеристику такой категории римского населения эпохи Поздней республики, как писцы (*scribae*), уделив особое внимание анализу их социального статуса. Автор приходит к заключению, что писцы играли чрезвычайно важную роль в функционировании ключевых государственных институтов. Они составляли достаточно уважаемую профессиональную корпорацию. В целом положение писцов в римском обществе периода Республики может быть оценено как относительно высокое, хотя путь на самую вершину социальной лестницы был для подавляющего большинства из них непреодолим: они крайне редко попадали в сенат и достигали даже низших магистратур.

Ключевые слова: *scribae*, *apparitores magistratuum*, Поздняя республика.

Слово «писец» само по себе имеет в русском языке достаточно широкое значение; по сути, писцом можно назвать любого человека, профессиональные обязанности которого напрямую связаны с написанием текстов. В латыни прямым аналогом этого слова является “*scriba*”, которое также, безусловно, напрямую происходит от глагола *scribere* – «писать»¹. Однако данным термином в Римской республике обозначался чиновник на службе у частного лица или же у государства², выполнявший функции, скорее близкие к обязанностям секретаря. Именно словом «секретарь» (или даже «пристав», если речь идет о судебном заседании) порой предпочитают передавать латинское “*scriba*” некоторые отечественные переводчики³. Тем не менее, мы считаем возможным и даже более удобным все-таки пользоваться для обозначения этой категории людей термином «писец». В рамках настоящей статьи нас будут

интересовать, однако, не все вообще *scribae*, а лишь писцы, состоявшие на государственной службе; при этом мы сосредоточимся исключительно на эпохе Поздней республики. Нельзя сказать, что данная тема оказалась совершенно обойдена вниманием исследователей⁴. Однако, на наш взгляд, в литературе она пока не получила достаточного освещения.

Одной из главных причин подобной ситуации, безусловно, является скудость источниковой базы. Писцы сами по себе нечасто попадают в поле зрения древних авторов. Но даже в этих редких случаях античные писатели далеко не всегда утруждают себя упоминанием их имен (ср., например: *Liv.* XXXVIII, 55; XXX, 39, 7). Эпиграфический материал по писцам для периода Республики тоже чрезвычайно беден⁵. Тем не менее, определенным материалом для анализа мы все-таки располагаем. Кроме того, представляется, что иногда при восстановлении республиканских реалий мы можем использовать и некоторые источники времен Ранней империи – конечно, с особой осторожностью, чтобы избежать явных анахронизмов.

В первую очередь, необходимо заметить, что писцы, состоявшие на государственной службе, наряду с глашатаями (*praesones*), вестниками (*viatores*), ликторами (*lictiores*), служителями для особых поручений (*accensi*) и некоторыми другими, относились к категории так называемых *apparitores magistratuum* – помощников римских магистратов. Они получали от государства за свою службу регулярное жалование. При этом, насколько мы можем судить, среди всех вышеперечисленных групп именно писцы занимали наиболее высокое положение. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о размере жалования, выплачивавшегося *apparitores magistratuum*, которые содержит муниципальный закон колонии *Iulia Genitiva Ursonensis* (*CIL.* I², 594; *RS.* I, p. 393–454, № 25; *ILS.* II, 6087), основанной в Испании при поддержке Юлия Цезаря (в литературе он кратко именуется *lex Ursonensis*)⁶. Почти не подлежит сомнению, что данный закон в общих чертах копирует римские порядки. Согласно этим данным, *scriba* дуумвиров получал в квартал 1200 сестерциев, эдильский *scriba* – 800, *accensus* – 700, остальные *apparitores* – от 300 до 600 сестерциев (*Lex Ursonensis*, 62)⁷. Разумеется, что жалование писцов в самом Риме было выше. Во всяком случае, вознаграждение, получаемое

писцом за свой труд, было вполне достойным⁸, а кроме того, ведь у него всегда существовала возможность во много раз увеличить свой доход другими способами, особенно если он не отличался щепетильностью⁹. За отличную службу писцы могли получать от своих магистратов награды и подарки, в частности, даже золотой перстень (*Cic. Verr. II, 3, 185*), который являлся отличительным признаком всаднического и сенаторского сословий¹⁰. О том, что у писцов водились деньги, свидетельствует их вовлеченность в торговые операции уже в период Империи; известно, что при Домициане даже существовал какой-то закон Клодия, запрещающий писцам заниматься торговлей (*Suet. Dom. 9, 3*). Ближе данный закон неизвестен, но не был ли его инициатором печально знаменитый народный трибун 58 г.¹¹?

По отношению к эпохе Республики источники упоминают только писцов, находившихся под началом у квесторов (*scribae quaestorii*) (*Liv. XL, 29; Plut. Cat. Min., 16; CIL. I², 587*), эдилов (*scribae aedilicii*) (*Liv. IX, 46; XXX, 39, 7; Cic. Cluent., 126; Gell. VII, 9*) и народных трибунов (*Liv. XXXVIII, 51; Ascon. 58 Clark*)¹²; консульские, преторские или цензорские *scribae* не упоминаются ни разу, хотя не подлежит сомнению, что высшие магистраты Римского государства прибегали к услугам писцов. Кроме того, известно, что *scribae* входили в свиту провинциального наместника (*Liv. XLV, 29; Cic. Verr. II, 3, 181–185*). Веррес, будучи легатом, также имел при себе писца (*Cic. Verr. II, 3, 187*). Объяснить это противоречие попытался Т. Моммзен, который предположил, что высшие магистраты и промагистраты в провинциях пользовались писцами подчиненных им квесторов; как сообщает Цицерон, квестор имел в своём распоряжении двух *scribae* (*Cic. Verr. II, 3, 182*)¹³. Эта гипотеза Т. Моммзена была впоследствии оспорена А. Джонсом, который полагает наличие у высших магистратов собственных писцов¹⁴. Э. Бэдиан попытался объединить эти две гипотезы: соглашаясь с А. Джонсом относительно городских преторов, консулов и цензоров, он в то же время доказывает, что, в частности, промагистраты в провинциях активно использовали услуги писцов подчиненных им квесторов. Именно этим Э. Бэдиан объясняет более высокое положение, которое занимали *scribae quaestorii* по сравнению со *scribae aedilicii*, хотя должность эдила считалась более высокой, чем должность квестора¹⁵. Гипотеза Э. Бэдиана, на наш взгляд,

выглядит наиболее убедительно, но окончательное решение этого вопроса едва ли возможно, если не будет обнаружено новых источников.

Процедура назначения писцов тому или иному магистрату осуществлялась по жребию¹⁶. По всей видимости, целью такого порядка было обеспечить известную независимость писца от своего непосредственного начальника для того, чтобы снизить вероятность преступного сговора между ними. С другой стороны, мы имеем пример писца Верреса Мевия, который служил у своего начальника в бытность того последовательно легатом (80 г.), городским претором (74 г.) и пропретором (73–71 гг.) (*Cic. Verг. II, 3, 187*), т. е. их «сотрудничество» продолжалось в общей сложности около 5 лет. Очевидно, что это не может быть простым совпадением, и Веррес наверняка сам выбирал себе в писцы одного и того же человека. Остается предположить, что жеребьевка проводилась не всегда, и существовала также возможность назначения писцов «extra sortem»¹⁷. Впрочем, никто не препятствовал магистрату или промагистрату, находясь при исполнении своих обязанностей, использовать для служебных нужд своих личных писцов, в том числе рабов и вольноотпущенников. Известно, например, что вольноотпущенник и писец Цицерона Марк Туллий Лаврея составлял отчеты об управлении провинцией (*rationes*), которые оратор был обязан предоставить следующему наместнику после своего отбытия из Киликии (*Cic. Fam. V, 20, 1–2*).

Согласно мнению Т. Моммзена, срок службы писцов и других *apparitores*, так же, как и срок полномочий магистратов, изначально был ограничен одним годом. Такое ограничение на бумаге сохранялось и в более поздний период, хотя на практике допускались исключения¹⁸. А. Джонс ставит эту точку зрения под сомнение; он отмечает, что, во всяком случае, уже в начале II в. до н. э. более чем годичный срок службы писцов являлся скорее нормой (*Liv. XL, 29*)¹⁹. Право занять место писца на государственной службе покупалось за деньги (*Cic. Verг. II, 3, 184*)²⁰. Так, например, известно, что знаменитый поэт Гораций «приобрел себе должность квесторского писца» («*scriptum quaestorium comparavit*») (*Suet. Poet. 24, 1*)²¹. Назначение писцов, так же, как и других *apparitores*, производилось, очевидно, магистратами (*Liv. XL, 29*). Имена писцов вносились в особые списки в храме Сатурна²². Мы не знаем,

предъявлялись ли к кандидатам на должность писца какие-либо формальные требования, но логично предположить, что какой-то отбор «на профессиональное соответствие» все же должен был проводиться. Фактически в период Поздней республики должность писца стала пожизненной. За должностные злоупотребления можно было сместить писца с занимаемого им места, но, как видно, сделать это было не так легко (*Plut. Cat. Min.*, 16).

Обязанности писцов были многообразны. В них входило, в частности, хранение сенатских архивов, переписывание официальных документов, запись постановлений сената и решений народного собрания; кроме того, они выполняли функции кассиров и бухгалтеров при государственной казне – эрарии²³. Таким образом, писцы имели полный доступ к важнейшим документам всего римского государства, в том числе и финансовым²⁴. Соблазн воспользоваться этим в своих интересах, надо думать, был велик, и далеко не все *scribae* отказывались от возможности поправить свое материальное положение путем различных махинаций. Это был сделать тем легче, что практически никакого контроля за ними не существовало. Как свидетельствует Плутарх, служители и писцы (*ὄπηρετῶν καὶ γραμματέων*) казначейства «постоянно держа в своих руках государственные акты и законы, а начальников получая всякий раз молодых и, по неопытности, безусловно нуждающихся в учителях и наставниках, не повиновались им, но скорее сами становились их начальниками, – и так продолжалось до тех пор, пока за дело с жаром не взялся Катон» (*Plut. Cat. Min.*, 16, 2 – пер. С.П. Маркиша)²⁵. Действительно, едва ли можно было ожидать от молодого квестора (ведь доступ к этой должности по закону Суллы был открыт с 27 лет) опытности прожженного бюрократа, и случай с Катоном, который поставил зарвавшихся писцов на место, был скорее исключением из общего правила, благодаря чему и попал в биографию Плутарха.

Писцы, находившиеся в распоряжении преторов и промагистратов, также являлись обязательными участниками судебных заседаний (*Cic. Cluent.*, 147; *Verf.* II, 3, 26). Римский уголовный процесс в целом сохранял по преимуществу устный характер. Тем не менее, в сфере уголовного судопроизводства все же велась достаточно обширная документация. Ведение ее должно было находиться в руках людей обученных и опытных, и этими людьми, очевидно, являлись

scribae²⁶. Наши сведения об участии писцов в отправлении правосудия крайне отрывочны и неполны. Но все-таки римские источники содержат некоторые немногочисленные упоминания писцов в связи с уголовным судопроизводством.

Известно, что одной из важных обязанностей городского претора (*praetor urbanus*) после принятия сулланского уголовного законодательства было составление *album iudicum* – списка судей на текущий год. Он же разделял этот список на декурии и выбирал декурию, из которой избирались судьи для рассмотрения каждого конкретного дела. После того, как председатель суда проводил жеребьевку судей, претор вносил их имена в свой список (*codex*). *Scriba*, очевидно, в качестве секретаря, принимал непосредственное участие в этих процедурах. Предположить это нам позволяет процесс Гая Юния, председателя скандально известного суда над Оппиаником (знаменитый *iudicium Iunianum*) в 74 г. Юния обвинили в подлоге: его обвинители заявили, что на процессе Оппианика заседали совсем не те судьи, которые были выбраны в ходе дополнительной жеребьевки (*subsortitio*), которой он руководил как председатель суда (*Cic. Cluent.*, 91–92). Цицерон обвиняет в подлоге городского претора Верреса. При этом, заявляет Цицерон, Веррес, чтобы замести следы и свалить все на Гая Юния, при помощи своего писца Мевия подделал списки судей в официальных книгах (*Cic. Verr. II*, 1, 157–158). Понятно, что для того, чтобы поддельвать списки судей, писец должен был их вести.

Также в ходе уголовного процесса *scriba* выполнял функции, аналогичные обязанностям современного секретаря уголовного суда. Одной из основных обязанностей писца было зачитывание вслух документов, приводимых в качестве доказательства одной из сторон; письменных показаний свидетелей и хвалебных отзывов о подсудимом (*laudationes*) от городских общин и уважаемых лиц²⁷.

Есть основания считать, что записи прений сторон и показаний свидетелей в уголовном суде сохранялись в архиве. Цицерон в своей речи «За Клуэнция» говорит о неких «официальных записях» (*tabulae publicae*)²⁸. Можно предположить поэтому, что римские *scribae* вели какое-то подобие протоколов судебных заседаний²⁹. Вероятно, что в них фиксировались результаты голосования судей по декуриям, которые иногда приводят дошедшие до нас источники (e. g., *Ascon.* 28–29; 54–55 Clark).

Каков же был социальный статус писцов в Римской республике? В первую очередь, необходимо конечно отметить, что писцы составляли особое сословие (*ordo scribarum*) (*Cic. Verr. II, 3, 183–184*). Б. Коэн верно отмечает, что данное объединение ни в коем случае нельзя назвать чисто профессиональным: оно включало в себя отнюдь не всех писцов города Рима, а только тех, кто входил в категорию *apparitores magistratum*³⁰. От себя заметим, что функции, например, квесторских и эдильских писцов были различны, и их профессиональные обязанности порой имели между собой мало общего; тем не менее, все они являлись равноправными членами *ordo scribarum*. Известно, что число квесторских писцов составляло 36 человек, и они делились на три декурии по 12 человек в каждой³¹. Такое количество чиновников было, очевидно, слишком большим для текущих нужд эрария, поэтому каждая декурия исполняла свои обязанности в Риме раз в три года³². В остальное время писцы, свободные от службы, по-видимому, могли сопровождать своих квесторов уже в провинциях. С большой долей уверенности мы можем утверждать, что республиканские писцы были почти исключительно свободнорожденными; возможно, что *ingenuitas* было необходимым требованием, которое предъявлялось к кандидатам³³. Возможно, что для членов декурий писцов был установлен определенный имущественный ценз³⁴. Известны даже случаи, когда писцы устанавливали родственные связи с членами сенаторского сословия: так, будущий император Веспасиан, еще будучи квестором, женился на дочери квесторского писца (*Suet. Vesp., 3*)³⁵. Цицерон, говоря о сословиях, которые приветствовали его возвращение из изгнания (*Cic. Dom., 74*), называет их в следующем порядке: сенат, всадники, потом *scribae* и лишь затем упоминает плебейские коллегии³⁶. В речи «За Рабирия Постума», перечисляя членов свиты провинциального наместника, Цицерон ставит *scribae* сразу после *tribuni* и *praefecti* (лиц всаднического ранга) и перед неофициальными спутниками промагистрата (*comites*) (*Cic. Rab. Post., 13*). Представляется, что такое распределение по рангам, тем более повторяющееся неоднократно, нельзя считать простой случайностью. Мы можем также говорить об известном чувстве профессиональной гордости и корпоративной солидарности, присущей *ordo scribarum*, чему наверняка способствовала относительная закрытость этого сословия (*Cic. Verr. II, 3, 182; 184*).

Однако, несмотря на относительную привилегированность их положения, путь еще дальше, в самые верхние эшелоны римского общества, был для писцов практически закрыт. Тот же Цицерон, рассказывая в речи «За Клуэция» о своей защите писца Децима Матриния, называет его «маленьким человеком» – “*hominem tenuem, scribam aedilicium*” (*Cic. Cluent.*, 126). По подсчетам Э. Бэдиана, для всего периода Поздней республики известны по именам лишь три писца, ставших членами всаднического сословия, еще семь человек под сомнением; лишь двое вошли в сенат³⁷. Это, на наш взгляд, красноречиво свидетельствует о том, что для подавляющего большинства членов *ordo scribarum* должность писца оставалась вершиной жизненного успеха, и только единицы могли рассчитывать на большее. Цицерон в трактате «Об обязанностях» предельно ясно выразил отношение элиты римского республиканского общества ко всем, кого относили к категории “*mercennarii*”, в том числе и писцам: «Недостойны свободного человека и презренны заработки всех наемных работников, чей покупается труд, а не искусство; ведь в этих занятиях самая плата есть вознаграждение за рабское состояние» (“*illiberales autem et sordidi quaestus mercennariorum omnium quorum operae, non quorum artes emuntur; est enim in illis ipsa merces auctoramentum servitutis*”) (*Cic. De off. I*, 150 – пер. В.О. Горенштейна с нашими изменениями). В этом же сочинении Цицерон, сокрушаясь по поводу современного ему положения дел, в качестве примера полного падения государства говорит о человеке, который «*in illa dictatura [i. e. Sullae. – B. X.] scriba fuerat, in hac [Caesaris. – B. X.] fuit quaestor urbanus*» (*Cic. De off. II*, 29). Показательно, что оратор даже не упоминает имени и не критикует недостатки или пороки данного лица; он подчеркивает только род его занятий. Из этой реплики очевидным образом следует, что Цицерон вообще не считал человека, служившего писцом, достойным когда-либо занять место в сенате. А между тем он сам отнюдь не спесивый нобиль, а *homo novus*, который никогда не считал знатность главным достоинством кого бы то ни было. Но, похоже, пропасть между положением писца и сенатора для римского республиканского сознания все-таки казалась чересчур глубокой.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, мы приходим к выводу: римские писцы, несомненно, играли чрезвычайно важную роль в функционировании ключевых государственных

институтов Поздней республики. Занимая свою должность пожизненно, большинство их должно было являться профессионалами высокого класса – в отличие от многих своих начальников, ежегодно сменявшихся магистратов, не получавших к тому же специальной подготовки. Роль *scribae*, очевидно, заключалась не столько в переписывании документов (для этого существовали копиисты-*librarii*), сколько в их подготовке, составлении и хранении. Римские писцы обладали достаточно высоким общественным статусом, могли при известной ловкости составить себе значительное состояние, но путь на самую вершину социальной лестницы был для подавляющего большинства из них совершенно непреодолим.

Примечания

- ¹ *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М.: Дрофа, 2009. С. 865; Oxford Latin dictionary. Oxford: Clarendon press, 1968. P. 1709.
- ² В противоположность слову “*librarius*” – так именовали переписчиков и копиистов. Впрочем, в древнейшую эпоху “*scriba*” употреблялось, очевидно, и в более широком смысле: «*Scribas proprio nomine antiqui, et librarios, et poetas vocabant*» (*Fest.* 492 Lindsay). См. по этому поводу: *Kornemann E.* *Scriba* // RE. 1921. Bd. IIA. Sp. 848.
- ³ См., например: *Марк Туллий Цицерон.* Полное собрание речей в русском переводе / Пер. В.А. Алексеева под ред. Ф.Ф. Зелинского. Т. 1. СПб.: изд. А.Я. Либерман, 1901. С. 167, 169.
- ⁴ Можно перечислить такие работы, как: *Krause J.H.* *De scribis publicis Romanorum.* Jahrbuch des Pädagogiums zum Kloster Unser Lieben Frauen in Magdeburg. Heft. 22. 1858 (она, к сожалению, оказалась для нас недоступна); *Mommsen Th.* *De apparitoribus magistratuum Romanorum* // RhM. 1848. Bd. 6. S. 1–57; *Idem.* *Römisches Staatsrecht.* Bd. I. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1876. S. 331–339; *Jones A.H.M.* *The Roman civil service (clerical and subclerical grades)* // JRS. 1949. Vol. 39. P. 38–55; *Jones A.H.M.* *Studies in Roman government and law.* Oxford: Blackwell, 1960. P. 153–158; *Pursell N.* *The apparitores: a study in social mobility* // PBR. 1983. Vol. 51. P. 125–173 (посвящена в основном периоду Империи, но затрагивает и республиканскую эпоху); *Cohen B.* *Some neglected ordines: the apparitorial status-groups* // *Des ordres à Rome.* Sous la dir. de C. Nicolet. Paris: Université de Paris, 1984. P. 23–60; *Badian E.* *The scribae of the Roman Republic* // Klio. 1989. Bd. 71. S. 582–603.

- Следует, конечно, также упомянуть прекрасную развернутую статью Э. Корнеманна “scriba” в Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie.
- 5 Перечень имен республиканских писцов, встречающихся в надписях, см.: *Badian E.* Op. cit. S. 585.
  - 6 Закон датируется периодом между 49 и 44 гг. (*Rüpke J.* Religion in the *lex Ursonensis* // Religion and law in Classical and Christian Rome. Stuttgart, 2006. P. 34–35).
  - 7 *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 321 Anm. 1.
  - 8 См.: *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 320–321; *Pursell N.* Op. cit. P. 138. Мы принимаем предложенное Ф.Ф. Зелинским добавление “non” в фрагмент *Cic. Verg.* II, 3, 182, меняющее его смысл на противоположный: “tuus apparitor non parva populi mercede conductus de aratorum bonis praedabitur?” (*Марк Туллий Цицерон.* Полное собрание речей в русском переводе. С. 285, примеч. 97). Таким образом, писец Верреса, по словам Цицерона, получал от государства “non parva merces”, что, однако, не стало для него препятствием для злоупотреблений.
  - 9 Если верить Цицерону, писец Верреса за время наместничества последнего в Сицилии присвоил казенных денег на сумму в 1 300 000 сестерциев (*Cic. Verg.* II, 3, 184).
  - 10 Что, впрочем, на наш взгляд, не дает оснований утверждать, будто писцы претендовали на принадлежность к всадническому сословию, как это утверждает А. Джонс: “scribae claimed to belong to the equestrian order” (*Jones A.H.M.* The Roman civil service... P. 39).
  - 11 Не исключает такой возможности и Н. Перселл: *Pursell N.* Op. cit. P. 132, n. 28.
  - 12 Подборку ссылок на эпиграфические источники (правда, уже периода Империи), упоминающие писцов данных трех категорий, см. в работе: *Jones A.H.M.* The Roman civil service... P. 39–40, n. 19.
  - 13 *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 334 u.f.
  - 14 *Jones A.H.M.* Studies in Roman government... P. 155 f.; *Idem.* The Roman civil service... P. 40, n. 25.
  - 15 *Badian E.* Op. cit. S. 598–599.
  - 16 “Apud aerarium sortiri provincias et quaestores solebant et scribae” (*Schol. Bob.* 87 Stangl). Для периода Империи см.: *Plin. Min.* Ep. IV, 12, 2.
  - 17 Ср. с подобной же практикой распределения, например, квесторских провинций за пределами Италии: *Дементьева В.В.* Квесторские provinciae за пределами Италии // Вестник РГТУ. Studia classica et mediaevalia. 2010. № 14. С. 13–14.
  - 18 *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 322 u. f.

- ¹⁹ *Jones A.H.M.* The Roman civil service... P. 38, n. 2.
- ²⁰ *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 325; *Марк Туллий Цицерон.* Полное собрание речей в русском переводе. С. 286, примеч. 99.
- ²¹ Сам факт существования подобной практики еще раз доказывает высказанный нами ранее тезис о доходности должности писца. Анализ свидетельств о службе Горация писцом см.: *Randolph Ch.B.* Horace and the *scriptus quaestorius* // *TAPhA.* 1925. Vol. 56. P. 130–149. Правда, Ч. Рэндолф доказывает, что в данной фразе “comparavit” следует переводить не как «приобрел» или «купил», а как «получил» (*Ibid.* P. 134–138).
- ²² Об этом свидетельствуют фрагменты сулланского *lex Cornelia de XX quaestoribus* (*CIL.* I², 587; *Bruns*⁶ I, 12; *RS.* I, p. 293–300, № 14), касающиеся других категорий *apparitores*, – *viatores* и *praecones*: “*quorum viatorum / praeconum nomina in eis decuriis ad aedem Saturni / in pariete <scripta erunt>*”. К сожалению, раздел этого закона, посвященный писцам, не сохранился, но думается, что по данному пункту мы можем распространить имеющиеся сведения на все категории *apparitores* (*Mommsen Th.* De *apparitoribus*... P. 10).
- ²³ Подробно на вопросе о функциях различных категорий римских писцов мы останавливаться не будем; данный вопрос, как нам кажется, достаточно полно раскрыт Т. Моммзенем: *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 332 u. f.; см. также *Kornemann E.* Op. cit. Sp. 850 u. f.
- ²⁴ Цицерон горько иронизирует по этому поводу: “*hae leges sunt, quas apparitores nostri volunt*” (*Cic. De leg.* III, 46); под “*apparitores*”, безусловно, понимаются в первую очередь именно “*scribae*”.
- ²⁵ Автор приносит свою благодарность А.Л. Смышляеву, который особо обратил его внимание на данный эпизод.
- ²⁶ Один эдильский писец называет себя “*iuris prudens*” (*CIL.* VI, 1853), другой с гордостью заявляет: “*vixi iudicio sine iudico*” (*ILS.* 1896); правда, надписи эти относятся к эпохе Империи.
- ²⁷ *Cic. Verg.* II, 3, 26: «*Da, quaeso, scribae, recitet ex codice professionem. Recita*» («Прошу, передай [табличку] писцу, пусть он прочтет официальный текст. [Обращаясь к писцу]: Читай! [Далее следует чтение преторского эдикта Верреса]»). См. также постоянное обращение Цицерона «*Recita*» («Читай!») в следующих местах его речей: *Cic. Verg.*, II, 1, 83–84; II, 1, 96; II, 2, 183; *Flacc.*, 78; *Cluent.*, 148. Ср. со свидетельством Дионисия: *Dionys. Hal. Ant. Rom.* V, 9, 1.
- ²⁸ *Cic. Cluent.*, 62: «Память о тех делах жива, официальные записи сохранились; уличи меня, если я говорю неправду; прочти показания свидетелей» («*Exstat memoria, sunt tabulae publicae: redargue me, si mentior: testium dicta recita*»). Ср. *Cic. Cluent.*, 99.

- ²⁹ Kornemann E. Op. cit. Sp. 851.
- ³⁰ Cohen B. Some neglected *ordines*... P. 35.
- ³¹ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 336.
- ³² Такой порядок был принят для *praefectos* и *viatores*, приписанным к декуриям писцов (*CIL*. I², 587); логично предположить, что он распространялся и на самих *scribae quaestorii*. См. об этом: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 323–324; Jones A.H.M. Studies in Roman government... P. 154–155.
- ³³ Нам известен лишь один *scriba*, который несомненно являлся вольноотпущенником – некий Сармент (*Sarmentus*), бывший раб Марка Фавония, освобожденный Меценатом (*Schol. Vet. in Iuv.* V, 3). См.: Badian E. Op. cit. P. 600, n. 22. Однако сыновья вольноотпущенников, по видимому, служили писцами довольно часто (поименно для республиканского времени известен один – Гней Флавий, курульный эдил 304 г. (*Gell.* VII, 9). Самый известный пример писца, отец которого был вольноотпущенником, – это, конечно, поэт Гораций.
- ³⁴ Так полагает Т. Уайзмен: Wiseman T.P. New men in the Roman senate, 139 B. C. – A. D. 14. Oxford: Oxford univ. press, 1971. P. 73.
- ³⁵ Ср. также *Plut. Cat. Mai.* 24, 1–4, но в данном случае брак с дочерью младшего писца следует расценить скорее как причуду эксцентричного старца.
- ³⁶ См. также: *Cic. Cat.* IV, 15.
- ³⁷ Badian E. Op. cit. P. 583–585.